

О НИКИФОРОВОЙ О. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

НИКИФОРОВА Ольга Николаевна, родилась в 1909 в Санкт-Петербурге. Журналист. Проживала в Харбине, сотрудничала в газетах "Новости Востока" и журнале "Рубеж". Осенью 1934 — вернулась с матерью в Россию из Харбина. 7 октября 1934 — при досмотре багажа арестована на станции Казань¹, 11 октября освобождена, дело прекращено за недостаточностью улик². 19 декабря 1935 — арестована в Ленинграде и заключена в тюрьму.

В марте 1936 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью ее мать, Людмила Никифорова.

<19 марта 1936>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна, получив из Москвы справку с Вашим адресом³, я не уверена, та ли Вы, Екатерина Павловна Пешкова, о которой я справлялась. Я разыскивала вдову А. М. Горького, и, если Вы именно та Екатерина Павловна, то цель моя достигнута. К Вам обращаюсь я со своим горем.

Полтора года тому назад мы с дочерью приехали из Харбина с эвакуацией сов<етских> граждан после продажи КВЖД, мы давно мечтали попасть на родину, но раньше из-за отсутствия средств не могли осуществить своего желания. Но здесь нас преследовали неудачи за неудачей. Долго не могли найти работу, продали все, что имели! Жили без жилплощади и полтора года "толкались" в сырой и холодной кухне, спали там же, в углу на ящике. Из-за какого-то недоверия к нам должны были отказаться от любимой профессии (литература). Словом, условия жизни были очень тяжелые и дочь моя измученная, нервно больная, переносила их менее терпеливо, чем я...

В одну из очень тяжелых минут она написала отцу в Харбин какое-то стихотворение, где из средних букв получалась фраза: "Жить невыносимо. Хочу бежать. Помогите". Чем ей мог помочь отец оттуда, за 10 т<ысяч> километров, она и сама не знала. Так, нахлынул аффект, и отдалась ему, не думая о последствиях своей выходки. А последствия были очень тяжелые.

Письмо перехватили, вскрыли, расшифровали, и 19 декабря моя дочь — Ольга Николаевна Никифорова была арестована и с того дня содержится в одиночке дома предварительного заключения.

Что с ней намерены делать, долго ли ее будут держать — не знаю! Со своей стороны я могу только бросаться к тому, к другому с отчаянными письмами, а больше ничего не могу. И будущее наполняет меня ужасом. Я уже не молода, у меня давнишняя болезнь сердца, и от пережитого сердечные припадки делаются все чаще. Что, если я не дождусь ее освобождения? Выйдет она... в пустоту. У нас нет никого на свете, отец ее давно бросил нас и живет с другой женщиной, мы с ней глубоко любим друг друга, и одна была у нас радость — быть вместе...

Ну, за что нас так мучают? Написать дурацкое стихотворение, — разве это такая тяжкая вина? В сущности, дочь мою нужно было не водворять в тюрьму, а лечить. Это человек с глубоко потрясенной нервной системой и зачастую — не могущий отвечать за свои поступки.

Если Вы та Екатерина Павловна, то Вы имеете доступ к людям власти и силам, огражденным "средостением". Расскажите им о нашем

¹ По обвинению «в антисоветской агитации среди пассажиров, провозе через границу контрреволюционной литературы».

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

³ Письмо отправлено на домашний адрес Е. П. Пешковой: «Машков пер., д. 1/3, кв. 16».

деле, просите за нее, хотя бы милости и сострадания ко мне, к моему возрасту и болезни. Уверьте, что в данном случае не было никакого преступного умысла, никакой конспирации. Была только неосторожная выходка, за которую дочь моя уже наказана трехмесячным сидением в тюрьме.

Помогите, Екатерина Павловна! Поймите бесконечное горе матери, у которой отняли самое дорогое!

Напишите, (если Вы "та") — можете ли Вы что-нибудь сделать, или это безнадежно.

Душой и мыслями Ваша. Людмила Никифорова.

Ленинград. Фонтанка, 183, кв. 10»⁴.

*На письме — помета рукой М. Л. Винавера:
«К Вам лично. М. В.»*

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1481. С. 139-140. Автограф.